

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПЬЕРА-ЖОЗЕФА ПРУДОНА с ГЕРЦЕНОМ

Публикация Натальи Э ф р о с

Публикуемые по подлинникам «празжской коллекции» три письма из переписки Герцена с П.-Ж. Прудон^{ом} (1809—1865) не могут считаться полностью неизвестными. Первое письмо Герцена и письмо Прудона приведены в 5-й части «Былого и дум», но в выдержках, притом несколько измененных для печати. Второе письмо напечатано полностью, но в беловой редакции, отличающейся от воспроизводимой нами черновой, оставшейся в бумагах Герцена (ср. VI, 533—536; первоначально «Былое», 1907, кн. IV, стр. 76—77). Таким образом, все три документа содержат новые и, как увидим, весьма интересные тексты Герцена и Прудона.

Письма относятся к 1849—1851 гг. Герцен поддерживал в это время дружеские и деловые отношения с Прудоном, который подвергался преследованиям французского республиканского правительства и находился в заключении. В публикуемой переписке нашли отражение те преувеличенные оценки Прудона и его учения, которые, как не раз отмечалось в литературе, были затем пересмотрены Герценом.

Первое письмо Герцена и ответ Прудона связаны с выпуском в свет прудоновской газеты «La Voix du Peuple» и с обращением Прудона к Герцену за материальной поддержкой издания. Эпизод этот описан Герценом в «Былом и думах». Позднейшие документальные публикации дополнили это описание подробностями, опущенными Герценом. Однако оживленная переписка, возникшая между Герценом и Прудоном по поводу газеты, до сих пор целиком не обнаружена, и в истории сотрудничества Герцена в прудоновском органе все еще остаются невыясненные обстоятельства (см. нашу статью «Французские корреспонденты Герцена» — «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 270 и в настоящем томе — публикацию писем Н. И. Сазонова к Герцену, стр. 522 и сл.). Письма «празжской коллекции» вносят в вопрос существенные добавления.

Как известно, Герцен, согласившись оказать денежную помощь газете Прудона, поставил при этом ряд условий. «...Я, — вспоминает Герцен, — требовал, во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, права заведывать всею иностранною частью, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи» (XIII, 454). По словам Герцена, его требования «покоробили» Прудона, но все же он принял их и подтвердил свое согласие сдержанным письмом (от 23 августа 1849 г.), которое Герцен называет «строгой депешей». «На эту строгую депешу, — продолжает Герцен, — я отвечал высылкою 24 000 фр. и длинным письмом, совершенно дружеским, но твердым...» (там же). Первый публикуемый документ и есть черновик этого письма.

Описывая переписку переговоров о газете «La Voix du Peuple», Герцен поясняет, что в споре с Прудоном им руководило желание «иметь положительное влияние на журнал». Он подробно останавливается на тех теоретических воззрениях и политических взглядах, которые хотел проводить в газете. Но, рассказав, как было достигнуто соглашение с Прудоном, коснувшись дальнейшей судьбы издания, упомянув о своем участии в газете в качестве автора *, Герцен ни словом не обмолвился о своей редак-

* Герцен поместил в «La Voix du Peuple» следующие статьи: «Россия» — напечатана в приложениях к №№ 50, 57 и 71 газеты от 19 и 26 ноября и 10 декабря 1849 г.,

торской работе в ней. Никаких сведений об этом нет и в других источниках. Было принято поэтому считать, что Герцен фактически не воспользовался своими правами редактора иностранной части «La Voix du Peuple» и прямого влияния на руководство газетой не оказал. Новонайденный документ заставляет думать, что это не совсем верно.

Выше было упомянуто, что в «Былом и думах» Герцен привел лишь выдержки из своего письма к Прудону. При этом Герцен сохранил в сокращенном, а возможно,

П.-Ж. ПРУДОН

Фотография, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

и в несколько измененном виде только теоретическую, принципиальную часть письма, но полностью исключил всю деловую его часть. Таким образом, остались неизвестными и те мероприятия по редактированию «La Voix du Peuple», к практическому осуществлению которых, как оказывается, Герцен приступил. Лишь теперь мы узнаем, что, подписав соглашение с Прудоном, Герцен сразу же принялся за организацию порученного ему иностранного отдела газеты. Он подыскивает для него авторитетных корреспондентов. Он готовит длинное письмо по поводу плана работы к своему заместителю по заведованию иностранной частью газеты — Шарлю Эдмону; определяет денежные суммы, необходимые для выплаты гонорара привлеченным к сотрудничеству авторам, наконец, уделяет внимание задачам распространения газеты: берет на себя обязательство дать объявления об издании во всей радикальной международной прессе; составляет списки лиц, которым следует посылать газету для ознакомления. Все это позволяет предполагать, что редакторская роль Герцена в «La Voix du Peuple» вовсе не была номинальной, как это думали до сих пор. Вопрос об участии Герцена в издании газеты требует, очевидно, тщательного дополнительного изучения.

«Доносо-Кортес» — в приложении к № 167 от 18 марта 1850 г. и «Письмо русского к Мадзини» — в приложении к № 181 от 1 апреля 1850 г.

Значительный интерес представляет и теоретическая часть письма. В ней имеются новые, отсутствующие в авторской публикации, герценовские оценки общественно-политических событий 1848—1849 гг. По сравнению с ретроспективным рассказом об этих событиях в «Былом и думах» высказывания Герцена в публикуемом письме носят на себе в ряде случаев печать большей непосредственности, остроты и взволнованности.

Мысли о причинах поражения революции 1848 г., о судьбах Европы, бегло набросанные в письме, нашли законченное выражение в известных произведениях Герцена тех лет. Но для понимания исканий и путей, которыми шел к своим выводам писатель, имеет значение и знание первоначального восприятия им событий. В этом также ценность публикуемого документа.

Ответ Прудона, который мы публикуем, помещен в «Былом и думах», как и письмо Герцена, в выдержках. Герцен процитировал своего корреспондента подробнее, чем себя самого, и неизданная часть прудоновского письма не так значительна по существу. Тем не менее и здесь есть ценный материал. В частности, интересна меткая прудоновская характеристика политического положения Франции того времени. До сих пор письмо Прудона было известно только в отрывках и в русском переводе. Теперь оно впервые появляется в подлиннике и полностью.

Второе письмо Герцена, как и первое, сохранилось в его бумагах в черновом виде. Сравнение черновой рукописи с напечатанным беловым текстом (VI, 533—536) убеждает, что перед отправкой по назначению письмо подверглось большой переделке. Не меняя содержания написанного по существу, Герцен перередактировал письмо, внося изменения не только в отдельные фразы и выражения, но и в самую его структуру. Помимо вариантов, публикуемая рукопись содержит и куски текста, полностью отсутствующие в беловой редакции (например, высказывание о Швейцарии).

Письмо датировано 26 декабря 1851 г. Это — ответ Прудону на его дружеское выражение сочувствия по поводу постигшего Герцена несчастья — гибели матери, сына и воспитателя сына (VI, 538). Написанное вскоре после пережитого личного горя и почти тотчас же после наполеоновского переворота, письмо проникнуто трагической скорбью, вызванной зрелищем торжествующей реакции и одновременно огромной силой гнева и ненависти к существующему социальному строю. Это — один из замечательнейших документов в эпистолярном наследии Герцена.

Оба публикуемые письма Герцена написаны по-французски.

Русская редакция первого письма Герцена, вошедшая в «Былое и думы», как мы уже говорили, отличается от черновой редакции на французском языке. При переводе этого письма отдельные отрывки, выражения и фразы, в тех случаях, когда они соответствуют публикуемому оригиналу, даются в переводе Герцена.

Герценовский перевод воспроизводится также частично в переводе письма Прудона.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 100).

1

ГЕРЦЕН — ПРУДОНУ

(Genève, 27 Août 1849)¹

Monsieur,

J'ai l'honneur de Vous envoyer sous cette enveloppe une lettre pour M. de Rothschild et le traité signé, — c'est la réponse la plus nette à la lettre que vous avez eu la complaisance de m'écrire le 23 Août².

Mais savez Vous, Monsieur, que Vous avez signé le traité avec un barbare, et un barbare d'autant plus incorrigible, qu'il l'est non seulement par naissance, mais par conviction. Mon plus grand désir serait de pouvoir imprimer à la partie étrangère du journal le caractère de la haine profonde et complète pour le vieux monde, pour la civilisation agonisante; en véritable scythe je regarde avec plaisir comme ce vieux monde, qui s'écroule, s'abîme

[pour faire place à un nouveau monde, dans lequel] et je n'ai pas la moindre pitié avec lui; et c'est à nous qu'il appartient d'élever la voix pour témoigner que ce vieux monde — auquel nous n'appartenons qu'en partie — se meurt. Sa mort sera notre investiture.

Vos compatriotes sont bien loin de partager ces idées, moi je ne connais qu'un seul Français libre — c'est Vous. Vos hommes révolutionnaires sont rétrogrades, ce sont les hommes du vieux monde, ils ne sont pas libres, ils sont chrétiens, sans le savoir, monarchistes, en combattant la monarchie!

Vous avez élevé à la hauteur de la science la négation, c'est à dire l'affranchissement, l'émancipation dans la théorie — vous avez dit, le premier en France, qu'il n'y a pas de salut dans l'enceinte de ce monde en putréfaction, qu'il n'y a rien à sauver de ce qui lui appartient — que tout ce qu'il a produit est entaché d'esprit aristocratique, d'esclavage, de mépris pour l'homme, d'injustice, de monopole — la jurisprudence comme l'économie, le sens du pouvoir comme la notion de la liberté politique — et c'est pour cela que je crois que ma manière de voir d'un barbare aura vos sympathies, avec moins je m'en flatte.

Il faut montrer dans tous les coins de l'Europe, il faut poursuivre dans les tristes récits des dernières révolutions [en Lombardie, comme en Allemagne] le vieux monde, la réaction, le christianisme non pas dans les rangs de nos ennemis — c'est par trop facile, mais dans le camp de la révolution, il faut flétrir la démocratie pour cette solidarité avec la royauté, il faut montrer au monde, qu'être moitié libre est un brevet d'incapacité. Point de terreur devant les vainqueurs, point de sentimentalisme avec les vaincus! Cette solidarité est évidente pour la France; comment ne pas comprendre que les républicains politiques et les doctrinaires dans le genre Guizot ne sont que de petites nuances, des variations sur un thème constitutionnel, c'est pour cela que la Montagne manquait au peuple de Paris, lorsqu'indigné, outré il se leva de toute sa grandeur — pour se faire mitrailler; c'est pour cela que le peuple a manqué à la Montagne, lorsqu'après une année d'opprobre elle descendit dans la rue sans savoir que faire³.

C'était la même chose, Monsieur, dans toute l'Europe, les révolutionnaires ont perdu la révolution. Je connais beaucoup de personnes qui ont pris part sur le premier plan dans les récentes révolutions, — ils n'ont pas l'étoffe qu'il faut pour être vainqueurs, — et bien que le monde les connaisse, ce sont les membres bavards de Francfort, de Vienne, de Berlin — qui ont perdu à l'instar de votre Ass(emblée) nationale — la liberté de l'Europe. Au reste c'est très bien; quelle pourrait être cette liberté née dans les bras de pareilles sages-femmes? — plutôt la barbarie pour retremper nos moeurs relâchées, nos âmes efféminées.

Voilà ma confession.

Je fais imprimer à Zurich en Allemand un ouvrage qu'on pourrait appeler la philosophie des Révolutions de 48⁴. — Vous me permettrez de vous offrir un exempl(aire). Je prierai Mr Edmond⁵ de vous traduire quelques pages. Ce (sera) pour moi une lettre de recommandation auprès de Vous. J'écrirai une longue lettre à Mr Edmond concernant notre plan⁶; nous avons la possibilité d'avoir des correspondants magnifiques, par ex(emple) nous avons déjà en vue un à Hambourg (Froebel)⁷, un à Berlin ((1 прѣб.)), un à Cologne (Dr Gottschalk)⁸. Pour l'Allemagne en général nous avons engagé Mr Bamberger⁹, — pour l'Italie Mazzini, Spini et Pinto¹⁰ m'ont dit qu'ils acceptent avec le plus grand plaisir l'offre d'envoyer régulièrement les nouvelles. J'ai la profonde conviction, que si l'on n'assassine (pas) par la main de l'inquisition de la Rép(ublique) notre journal, cela sera la première feuille en Europe.

Je vous proposerai de fixer une petite somme pour les correspondances, quoique nous espérons d'avoir la grande partie gratis. En fixant par

ex(emple) 2.000 fr. par an, et en permettant à nous de disposer de la moitié — cela couvrira comme je pense les frais.

Nous composerons une liste très grande de noms auxquels il faut envoyer, au moins une huitaine gratis, quelques exemplaires; de notre côté nous ferons des réclames dans tous les journaux radicaux, à l'exception de l'Angleterre — où par ex(emple) Louis Blanc pourrait*

Перевод:

(Женева, 27 августа 1849 г.)¹

Милостивый государь!

Имею честь настоящим послать вам вексель для г-на Ротшильда и подписанное соглашение, это наиболее ясный ответ на письма, которое вы были любезны написать мне 23 августа².

Но знаете ли, милостивый государь, что вы подписали соглашение с варваром, и варваром тем более неисправимым, что он является им не только по крови, но и по убеждению. Больше всего хотелось бы мне придать иностранной части журнала характер, отражающий глубокую и безграничную ненависть к старому миру, к агонизирующей цивилизации. Как настоящий скиф, я с радостью вижу, как этот гибнущий старый мир рушится**, и не испытываю к нему ни малейшей жалости. Наш долг поднять голос и возвестить, что этот старый мир, которому мы принадлежим лишь отчасти, — умирает. Его смерть будет нашей инвеститурой.

Ваши соотечественники очень далеки от того, чтобы разделять эти идеи. Я знаю только одного свободного француза — это вас. Ваши революционеры — консерваторы; это люди старого мира, они не свободны; они христиане, не зная того, и монархисты, сражаясь с монархией!

Вы подняли вопрос негации на высоту науки, т. е. освобождение, эмансипацию возвели в теорию; вы первый во Франции сказали, что нет спасения внутри этого гниющего мира и что спасать из того, что ему принадлежит, нечего, что все созданное им запятнано духом аристократизма, рабством, презрением к человеку, несправедливостью, монополией — юриспруденция, как и экономика, представление о власти, как и понятие политической свободы. — Вот почему я думаю, что мой взгляд на вещи, взгляд варвара, вызовет ваше сочувствие. Во всяком случае я лущу себя этой надеждой.

Надо показать, во всех углах Европы, надо преследовать в печальных рассказах о последних революциях*** старый мир, реакцию, христианство, не в ряду наших врагов — это чрезвычайно легко, но в стане революции, надобно обличить эту круговую поруку демократии и власти; надо показать людям, что быть наполовину свободными это патент на несостоятельность. Не нужно страха перед победителями, но не нужно и сентиментальности с побежденными! Существование такой круговой поруки во Франции очевидно. Как не понять, что политические республиканцы составляют только незаметный оттенок доктринеров типа Гизо, не более как вариацию на ту же конституционную тему. Вот почему Гора не пошла с народом, когда возмущенный, оскорбленный он поднялся во весь свой рост, чтобы стать под расстрел; вот почему народ не пошел с Горой, когда она после года позора вышла на улицу, не зная, что ей делать³.

Так, милостивый государь, было во всей Европе, революцию погубили революционеры. Я знаю многих лиц, принимавших участие в недавних революциях, находясь на первом плане; но они сделаны не из того материала, который нужен, чтобы стать победителями. Пусть их знает весь мир, а все же не кто иной, как болтливые члены франкфуртского,

* На этом письмо обрывается. — Ред.

** Далее зачеркнуто: чтобы уступить место новому миру, в котором

*** Далее зачеркнуто: в Ломбардии, как и в Германии.

венского и берлинского парламентов погубили, по образцу вашего Национального собрания, свободу Европы. Впрочем, это очень хорошо. Какой же могла бы быть свобода, принятая руками таких повитух. Лучше варварство, оно закалит наши расслабленные нравы, наши изнеженные души.

Вот моя исповедь.

Я печатаю в Цюрихе на немецком языке сочинение, которое можно было бы назвать философией революций 48 г.⁴ Разрешите преподнести вам экземпляр. Я попрошу г. Эдмона⁵ перевести вам несколько страниц. Это послужит мне рекомендательным письмом к вам.

Я напишу длинное письмо г-ну Эдмону относительно нашего плана⁶. У нас есть возможность иметь великолепных корреспондентов. Например, у нас есть уже один на примете в Гамбурге (Фребель)⁷, тоже в Берлине (*фамилия нрзб.*) и в Кельне (д-р Готшалк)⁸. Для всей же Германии мы пригласим г-на Бамбергера⁹, что касается Италии—Маццини, Спино и Пинто¹⁰ сказали мне, что с величайшим удовольствием принимают предложение регулярно присылать сообщения. Я глубоко убежден, что если наш журнал не будет убит рукой инквизиции республики, это будет лучший журнал в Европе.

Я предложил бы вам определить небольшую сумму на корреспонденции, хотя мы надеемся получать большую часть их бесплатно. Если, например, определить 2000 фр. в год и разрешить нам располагать половиной, это, думается мне, покроет расходы.

Мы составим большой список лиц, которым надо будет, по крайней мере в течение недели, послать по несколько экземпляров бесплатно; с своей стороны мы поместим объявления во всех радикальных журналах, за исключением Англии, где, например, Луи Блан мог бы*

¹ Датируется по ответному письму Прудона (см. ниже).

² Выдержки из этого письма опубликованы Герценом в «Былом и думах» с ошибочной датой — 29 августа (ср. «Полярная звезда на 1859 год», стр. 141—142; XIII, 454). Возможно, что это опечатка.

³ Речь идет об июньских событиях 1848 г. и о демонстрации 13 июня 1849 г.

⁴ Герцен говорит о первом, немецком, издании «С того берега» («Vom anderen Ufer»). Книга вышла в свет в начале 1850 г. На обложке и титульном листе обозначена книгоиздательская и книготорговая фирма Hoffmann und Campe в Гамбурге. В действительности, книга была отпечатана в Цюрихе и только распространялась гамбургской фирмой (XIII, 424). Упоминания об этом см. также в письмах Гервега к Герцену. «Есть ли у вас, — спрашивает он Герцена в марте 1850 г., — (...) письмо Гоффмана и Кампе, где он пишет *определенно*, что согласен (...) продавать (...) „С того берега“» (XIV, 62). И в другом письме: «Я не знаю, куда послать книгу: в Кельн, в Лейпциг, в Гамбург? Отсылка этой книги — почти единственное, что меня удерживает еще здесь (т. е. в Цюрихе)» (там же, 63—64; ср. также «Письма из Франции и Италии» — V, 110 и письмо Герцена к Т. Н. Грановскому от 27 сентября 1849 г. — V, 289).

⁵ Шарль Эдмон. О нем см. в настоящем томе в публикации писем Н. И. Сазонова к Герцену — прим. 2 к письму 2, стр. 533.

⁶ Это письмо Герцена неизвестно. Неизвестна и вообще его переписка этого времени с Эдмоном. Можно предполагать все же, что договоренность о работе иностранного отдела газеты у них была. Так, например, в приложении к № 43 «La Voix du Peuple» от 18 ноября 1849 г. под рубрикой «Всемирная политика. Солидарность народов» была напечатана статья Эдмона, озаглавленная «Письмо первое» и открывшая серию статей на общие темы международного революционного движения. Перечисляя в статье дальнейшие публикации на ту же тему, намечаемые в газете, Эдмон назвал в первую очередь статью Герцена. И действительно, в приложении к номеру 50 газеты от 19 ноября того же года под той же рубрикой «Всемирная политика. Солидарность народов» с заголовком «Письмо второе» и ссылкой на то, что она служит продолжением «Письма первого», появилась статья Герцена «Россия». Трудно себе представить, чтобы это было сделано без предварительной договоренности и чтобы статья Эдмона, при этом программного характера, которую Герцен как бы продолжил, не была с ним согласована.

* На этом письмо обрывается.

⁷ Юлиус Фребель (1805—1893) — немецкий радикальный публицист, участник революционного движения 1848 г., левый член Франкфуртского национального собрания, эмигрировал в Швейцарию, а затем переселился в Америку. Впоследствии, по возвращении в Германию, — умеренный либерал; выступал как сторонник Бисмарка. Герцен встречался с Фребелем в Женеве (V, 289).

⁸ Фамилия написана крайне неразборчиво. Читается предположительно как Готшалк. Андреас Готшалк (1815—1849) — кельнский врач, член Союза коммунистов, председатель Кельнского рабочего союза (1848) и позднее глава оппозиции в этом союзе против большинства сторонников Маркса. В 1848 г. подвергнулся тюремному заключению и судебному преследованию. Энгельс посвятил суду над Готшалком статью в «Новой рейнской газете» «Процесс Готшалка и его товарищей» (№№ 176 и 178 от 22—23 декабря 1848 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 495—503).

⁹ Людвиг Бамбергер (1823—1899) — немецкий политический деятель и финансист; в 1848—1849 гг. — демократ. За участие в Баденско-Пфальцском восстании был приговорен к смертной казни, но бежал в Швейцарию. Жил затем в эмиграции в Англии

АДРЕС ГЕРЦЕНА, НАПИСАННЫЙ РУКОЙ ПРУДОНА НА ЕГО ПИСЬМЕ
ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1849 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

и Франции. Впоследствии национал-либеральный депутат рейхстага. В произведениях и переписке К. Маркса и Ф. Энгельса дается резко отрицательная оценка политической деятельности и морального облика Бамбергера. Герцен познакомился с Бамбергером в Женеве в 1849 г. В своих воспоминаниях Бамбергер рассказывает о жевневских встречах с Герценом, однако о приглашении сотрудничать в «La Voix du Peuple» не упоминает (Ludwig Bamberger. Erinnerungen. Berlin, 1899, SS. 201—204).

¹⁰ Леопольд Спини — итальянский политический деятель и журналист. После поражения революции в Италии эмигрировал в Швейцарию. Герцен познакомился с ним в Риме в 1848 г. и встречался затем в Женеве в 1849 г. — О Микель-Анджело Пинто см. в настоящем томе, стр. 325.

Принимали ли участие Спини и Пинто в «La Voix du Peuple» — неизвестно: материал давался там часто без указания автора. Что касается Мацини, упомянутого в тексте письма, то две статьи за его подписью появились на страницах газеты.

2

П.-Ж. ПРУДОН—ГЕРЦЕНУ

Conciergerie, 15 septembre 1849

Monsieur,

Un de nos amis vient à l'improviste me demander pour vous une réponse à votre amicale lettre du 27 août, afin de profiter de l'occasion que nous offre m-me Herwegh, qui de son côté écrit à son mari. Cette dame me fait prier de joindre une exhortation aux siennes, afin d'engager M. Herwegh à prolonger quelque temps encore sa résidence à Genève, attendu que le séjour

de Paris ne serait pas pour lui d'une suffisante sécurité¹. Je vous dirai donc, que d'après les rapports que je reçois, il y aurait effectivement danger pour M. Herwegh à reparaitre dans la capitale du monde prétendu civilisé; que des ordres sont donnés contre lui; qu'il a été, à ce qu'il paraît, dénoncé, par des portiers ou des domestiques; bref, que la police est plus méfiante, et en fait de liberté individuelle moins scrupuleuse que jamais. Que notre ami veuille donc attendre quelques semaines, jusqu'après le procès de Versailles², par exemple, et sur nouveaux avis, il pourra se mettre en route très probablement avec moins de péril.

Hier ont été encaissés les 24 000 fr. pour le cautionnement. On s'occupe de mesures matérielles et administratives à prendre pour la publication; du 21 au 25 paraîtra le prospectus, et le 1-er octobre nous commencerons notre campagne en même temps que la Législative reprendra ses travaux³.

Quant à ma brochure, elle ne sera pas imprimée avant le 1-er octobre peut-être pas même avant le 15. Une migraine violente m'empêche de travailler depuis plusieurs jours, et retarde la mise au net de ce travail qui s'est allongé fort au delà de ce que j'eusse voulu. Puisse cette longueur n'être pas son moindre défaut. Du reste, je prévois avec satisfaction, que nous nous sommes rencontrés dans une pensée commune. C'est aussi une philosophie des événements accomplis depuis février, que j'ai faite sous le titre de *Confessions d'un révolutionnaire*⁴. Vous n'y trouverez pas sans doute la profondeur et la verve *barbaresque* à laquelle vos philosophes germains et le voisinage des races du nord vous ont habitués, mais vous daignerez vous souvenir, que j'écris pour de timides français, qui malgré leur entrain révolutionnaire sont, il faut l'avouer, fort au dessous de leur rôle. Si borné que soit mon point de vue, il est encore à cent mille toises au-dessus des pics les plus élevés de notre monde journalistique, académique et littéraire. Dans ce pays de lilliputiens je puis encore pendant dix ans passer pour un géant.

Mes sentiments sur les démocrates de France et l'Allemagne, sur le prétendu républicanisme de cette variété de doctrinaires, sont tout à fait les vôtres: je vois avec bonheur que sur ce chapitre, nous n'avons rien à nous dire et à nous apprendre. Et vous trouverez dans le personnel de la rédaction, autant qu'en moi-même, des hommes faits pour marcher à l'unisson de vos idées, je vous le garantis.

Je pense aussi comme vous, que la Révolution n'est désormais plus susceptible d'une direction méthodique, pacifique, à transitions ménagées, telles que le voudrait la pure théorie économique et la philosophie de l'histoire. Il nous faudra faire de sauts prodigieux, de terribles enjambements. Cependant je crois que pour notre qualité de publicistes, nous devons, en annonçant les catastrophes sociales, ne les jamais présenter comme nécessaires et justes; nous devons constamment rechercher, pour chaque moment les tempéraments les plus modérés et les plus sages. Sans cela, nous nous ferons haïr et persécuter. Or, avant tout il faut vivre...

Ma migraine m'empêche de vous en dire davantage: il faut que je me couche. Envoyez pour le prospectus du journal, avec les adresses dont vous me parlez, les réflexions que vous jugerez utiles. — Les frais de correspondance dont vous m'entretenez se régleront administrativement: dès que le journal fera ses affaires, ils seront portés à la charge de l'entreprise.

Je recommande de nouveau à M. Herwegh de ne se point aventurer trop tôt à Paris, et vous prie de recevoir mes salutations fraternelles.

P.-J. Proudhon

A monsieur A. Herzen, homme de lettres
Hôtel des Bergues à Genève (Suisse).

Перевод:

Консьержери, 15 сентября 1849 г.

Милостивый государь!

Один из наших друзей неожиданно пришел ко мне за ответом на ваше дружеское письмо от 27 августа, с тем, чтобы воспользоваться оказией, предоставляемой г-жой Гервег, которая также пишет своему мужу. Эта дама просит меня присоединить несколько слов к ее доводам, дабы побудить г. Гервега задержаться еще на некоторое время в Женеве, ввиду того, что пребывание в Париже могло бы оказаться для него не вполне безопасным¹. Должен сказать, что, судя по сведениям, которые я получаю, для г. Гервега и в самом деле было бы опасно снова появиться в столице так называемого цивилизованного мира, что о нем уже отданы распоряжения, что на него очевидно кем-то из привратников или прислуги был сделан донос; словом, что полиция стала более подозрительной, а в вопросах личной свободы менее щепетильной, чем когда-либо. Пусть же наш друг

Mardi 25 Septembre 1849. — N° SPECIMEN.

BUREAUX: RUE COO-HERG, 5.

Prix du n°: Paris, 5 c. — Départemens, 10 c.

Voix du Peuple

ГАЗЕТА П.-Ж. ПРУДОНА «LA VOIX DU PEUPLE» («ГОЛОС НАРОДА»)

Заголовок пробного номера газеты от 25 сентября 1849 г.

переждет еще несколько недель, хотя бы до окончания версальского процесса²; весьма вероятно, что после новых сообщений он сможет пуститься в путь с меньшим риском.

Вчера были внесены в залог 24 000 фр. Теперь все заняты необходимыми хозяйственными и административными мероприятиями по выпуску издания; между 21 и 25 появится проспект, а с 1 октября мы откроем нашу кампанию, одновременно с возобновлением занятий Законодательного собрания³.

Что касается моей брошюры, то она будет отпечатана не ранее 1-го, а может быть даже не ранее 15 октября. Жесточайшая мигрень вот уже несколько дней мешает мне работать и задерживает переписку набело этой работы, которая получилась гораздо длиннее, чем мне хотелось. Хоть бы длинноты оказались наибольшим из его недостатков. Впрочем я с удовлетворением вижу, что мы с вами встретились на одинаковой мысли. Я тоже написал под заглавием «Исповедь революционера»⁴ философию событий, происшедших после февраля. Вы не найдете там, конечно, ни глубины, ни *сарварского* задора, к которым вас приучили ваши германские философы и близость к северным расам, но не забывайте, что я пишу для робких французов, а они со всем своим революционным пылом, надо признаться, гораздо ниже своей роли. Как бы ограничен ни был мой взгляд, все же он на сто тысяч туазов⁵ выше самых высоких вершин нашего журнального, академического и литературного мира. В этой стране лилипутов я еще десять лет смогу сойти за великана.

Я совершенно разделяю ваше мнение насчет демократов Франции и Германии, насчет так называемого республиканизма, этой разновид-

ности доктринеров. Я с радостью вижу, что в этих вопросах нам не о чем спорить и не в чем убеждать друг друга. В сотрудниках редакции и во мне самом вы найдете людей, способных действовать в единомыслии с вами, это я вам гарантирую.

Я, так же, как и вы, думаю, что революция не допускает больше методического, мирного движения с осторожными формами переходов, как того хотела бы чистая экономическая теория и философия истории. Нам надобно будет делать страшные скачки, гигантские шаги. Но я думаю, что в качестве публицистов, возвещая грядущие социальные катастрофы, нам не должно представлять их необходимыми и справедливыми. Мы должны неизменно изыскивать для каждого момента наиболее умеренные и благоразумные решения. А то нас возненавидят и будут гнать. А нам прежде всего надобно жить...

Мигрень мешает мне продолжать наш разговор; мне надо лечь. Пришлите для проспекта газеты, вместе с упомянутыми вами адресами, соображения, которые найдете полезными. Расход на корреспонденции, о котором вы меня спрашиваете, будет упорядочен административным путем: как только дела газеты наладятся, он будет отнесен на счет предприятія.

Еще раз советую г. Гервегу не рисковать и не возвращаться раньше времени в Париж, а вас прошу принять мои братские приветствия.

П.-Ж. П р у д о н

Господину А. Герцену, литератору
Отель де Берг, Женева (Швейцария)

¹ Гервег покинул Париж после 13 июня 1849 г.

² *Версальский процесс* — суд над участниками демонстрации 1849 г.

³ Проспект, или пробный номер газеты, появился 25 сентября 1849 г., а с 1 октября она начала выходить регулярно. Газета подвергалась штрафам и преследованиям и продержалась недолго. 14 мая 1850 г. она прекратила свое существование. Газета выходила ежедневно и сверх того имела еженедельные понедельничные приложения.

⁴ «Исповедь революционера» вышла в свет в конце октября 1849 г.

⁵ *Туаз* — старинная французская мера длины.

Je vous remercie beaucoup pour Votre excellente lettre du 27 Nov(embre), elle m'a fait un grand bien. Une sympathie [de personnes que nous aimons, que nous estimons sans bornes] pareille nous rend notre souffrance plus humaine, moins accablante¹.

Vous me dites: «Hâtez vous de pleurer vos malheurs domestiques car bientôt si un effort suprême de raison pacificatrice ne nous rend le calme, vous verrez des choses, qui vous rendront le coeur de pierre pour toutes vos misères.»

Vos paroles prophétiques se sont terriblement accomplies. Et la raison pacificatrice n'a pas fait de grands efforts. — Je n'ai plus de larmes. Il me semble parfois, que la catastrophe terrible, qui m'a enlevé ma mère, mon fils et un ami le 16 du mois passé, est déjà très éloignée². Entre le sinistre personnel et le présent un monde entier a fait naufrage. Sa perte était prévue, Vous lui avez dit, il y a deux ans: «Ce n'est pas Catilina qui est à vos portes — c'est la mort». Mais le malheur surprend toujours. La mort qui frappait alors aux portes, les a entrouvertes. Triste et lugubre métier que des messes de morts et de passer immédiatement de l'enterrement de ses proches à l'enterrement général — sans donner un peu de repos au coeur brisé.

ПАРИЖСКИЙ РАЗНОСЧИК
ГАЗЕТ

«L'Illustration», № 276 от 10 июля
1848 г.

Le marchand de journaux parisiens

Mais il faut laisser aux morts — enterrer les morts. Nous n'appartenons pas au passé qui s'écroule, nous appartenons à l'avenir.

Comme nous serions heureux de Vous savoir hors de Paris et hors de France. — Paris c'est Jérusalem après Jésus, gloire à son passé, à sa grande révolution, mais il a terminé sa carrière. Le règne de la bourgeoisie libérale, civilisée, frondeuse — est passé. Elle a tout vendu pour garder son argent, pour cette simonie elle doit être traitée comme les nègres, comme les russes. Elle craignait l'excès de liberté — eh bien elle aura l'excès du despotisme; elle ne voulait rien céder au peuple — eh bien le peuple se croise les bras, lorsqu'on la fusille. Elle inventait un spectre rouge, elle tremblait devant une barbarie — venant *d'en bas*; la barbarie vient *d'en haut*. Y a-t-il au monde une idée plus pauvre que l'idée de l'ordre; l'ordre abstrait — c'est la mécanique, c'est la négation de l'initiative, de la métamorphose. *L'ordre et l'avarice* — mais le principe monarchique a été mille fois plus riche, plus social, plus poétique. La police et la bourse au lieu du trône et de l'église!

La France retombée dans l'enfance, et la Russie, qui n'en est pas sortie encore — toutes les deux sous un joug dégradant — arrivent au même niveau. La Russie n'a rien gagné, la France a tout perdu. Le despotisme préparera des moyens colossaux pour le communisme — et non pour le conservatisme. Il n'y a de conservatisme qu'en Angleterre, et elle seule restera comme un échantillon magnifique du monde civilisé, du monde chrétien et féodal; je pense que pour nous (avant l'Amérique) il n'y a pas d'autre endroit; car si nous pouvons entrevoir le fil rouge du progrès à travers la barbarie, il me semble qu'il est impossible de trainer, sans y être forcés,

une existence triste et humiliante dans ce luxe de bassesse et de servitude, dans cette débauche d'arbitraire et de despotisme. Certes on pourrait commencer par la Suisse (moi je suis naturalisé Suisse) — mais j'ai peu de confiance dans cette république fossile — «libres comme les montagnes» disent les Suisses, oui «et stériles comme les montagnes».

Votre oeuvre a été immense. Vous avez tout fait pour montrer le danger, vous leur avez indiqué les moyens de salut, de transition, les solutions organiques, la nécessité de la morphologie sociale, qui demandait à haute voix de nouvelles formes. Le monde civilisé depuis New-York jusqu'à Moscou Vous admirait. Et la partie civilisée de la France vous a-t-elle jamais compris? Lorsque vous disiez — développement, elle comprenait destruction, vous parliez en pacificateur — et on prenait vos paroles pour des cris de guerre. Eh bien maintenant c'est trop tard, ils auront un cataclysme terrible. Les braves gens craignaient de perdre sur les fonds publics — et ils ont perdu l'honneur, les libertés, les droits, ce qui n'empêche pas qu'ils perdront aussi sur les fonds.

Jusqu'à présent nous vivons tranquillement sous la protection de la Croce di Savoia — mais je pense quitter Nice dans deux, trois mois. De grâce, comptez sur moi, sur mon dévouement et mon amitié. — Je vous suis obligé plus que vous ne le pensez. Hegel et Vous — Vous avez fait la moitié de mon éducation philosophique¹, je serai heureux de pouvoir travailler ensemble avec vous ou vous être utile. Je vous serre la main avec beaucoup, beaucoup de sympathie.

Перевод:

Ницца, 26 декабря 1851 г.

Я очень благодарен вам за ваше превосходное письмо от 27 ноября, оно подействовало на меня благотворно. Такое сочувствие* делает наши страдания более человечными, менее тягостными¹.

Вы говорите: «Торопитесь оплакивать ваши частные горести, ибо вскоре, если последнее усилие примиряющего разума не сведет покоя на землю, вы увидите вещи, от которых сердце ваше окаменеет и вы станете нечувствительны к собственным бедствиям своим»**.

Ваши пророческие слова оправдались страшным образом. Примиряющий разум не приложил больших усилий. У меня нет больше слез. Мне иногда кажется, что страшная катастрофа, которая 16-го числа прошлого месяца отняла у меня мать, сына и друга, случилась уже очень давно². За время, истекшее после этого личного несчастья, целый мир потерпел крушение. Его гибель была предвидена. Вы сказали ему два года назад: «Не Катилина стоит у ваших ворот, а смерть». Но горе всегда застаёт врасплох. Смерть, которая тогда стучалась в ворота, теперь приотворила их. Печальная и скорбная обязанность — присутствовать на панихидах и прямо с похорон своих близких перейти на общие похороны, не дав ни малейшего отдыха разбитому сердцу.

Но оставим мертвым хоронить мертвецов. Мы не принадлежим прошлому, которое рушится, мы принадлежим будущему.

Как были бы мы счастливы знать, что вы вне Парижа и вне Франции. Париж — это Иерусалим после Иисуса; слава его прошлому, его великой революции, но путь его завершен. Царство либеральной, цивилизованной, фрондирующей буржуазии прошло. Она продала все, чтобы спасти свои деньги; за эту симонию она заслуживает, чтобы с ней обращались как с неграми, как с русскими. Она боялась чрезмерной свободы — ну что же?

* Далее зачеркнуто: людей, которых мы любим, которых мы безгранично уважаем.

** Цитируемые слова Прудона даются в переводе Герцена. — Ред.

она получит чрезмерный деспотизм. Она ничего не желала уступить народу, и вот народ сложа руки смотрит, как ее расстреливают. Она выдумала красный призрак, она дрожала перед варварством, которое идет *снизу*, и вот варварство пришло *сверху*. Существует ли на свете более бедная идея, чем идея порядка; абстрактный порядок—это механика, это отрицание инициативы, метаморфозы. *Порядок и скупость*. Но монархический принцип был в тысячу раз богаче, социальнее, поэтичнее. Полиция и биржа взамен престола и церкви!

Франция, впадшая в детство, и Россия, еще не вышедшая из него, — обе, сгибаясь под унижительным ярмом, оказались на одном уровне. Россия ничего не приобрела, Франция все потеряла. Деспотизм подготовит огромные возможности для коммунизма, но не для консерватизма. Консерватизм сохранился в одной лишь Англии, и она одна останется великолепным образцом мира цивилизованного, мира христианского и феодального; я думаю, что для нас (до Америки) нет другого места, ибо, если мы и в состоянии различать сквозь варварство красную нить прогресса, то, не будучи к тому принужденным, мне кажется невозможно владеть печальное и унижительное существование среди такой необузданной подлости и раболепства, среди такого разгула произвола и деспотизма. Конечно, можно было бы начать с Швейцарии (я сам натурализовался в Швейцарии), но я не очень-то верю в эту окаменелую республику: «свободны, как горы», говорят швейцарцы, да, но и «бесплодны, как горы»³.

Ваш труд был безмерен. Вы все сделали, чтобы предупредить об опасности, вы наметили средства спасенья, переходные ступени, органические решения, указали на кризис социальной морфологии, громко требовавшей новых форм. Весь цивилизованный мир от Нью-Йорка до Москвы восхищался вами. А понимала ли вас хоть когда-либо цивилизованная часть Франции? Когда вы говорили—развитие, она понимала—разрушение; вы выступали со словами умиротворения, она принимала их за призыв к войне; ну, а теперь слишком поздно—их постигнет страшный катаклизм. Бедняги боялись потерять на своих процентных бумагах—и вот они потеряли честь, свободы, права, что нисколько не помешает им потерять и на процентных бумагах.

Мы живем пока спокойно, под покровительством *Croce di Savoia**, но через два-три месяца я думаю покинуть Ниццу. Рассчитывайте, прошу вас, на меня, на мою преданность и дружбу.—Я обязан вам больше, чем вы думаете. Гегель и вы,—вот кто наполовину определил мое философское развитие⁴. Я был бы счастлив, если бы мог работать с вами и быть вам полезным.

Жму вашу руку с большой, большой симпатией.

¹ Герцен говорит о письме Прудона от 27 ноября 1851 г. из тюрьмы St. Pelagie. Оно было напечатано впервые в сокращенном переводе самого Герцена в «Полярной звезде» на 1859 год», стр. 222—224 (VI, 536—538).

² 16 ноября 1851 г. при кораблекрушении утонули мать Герцена, его сын Коля и воспитатель сына Шпильман.

³ Эти слова о Швейцарии перекликаются с позднейшими высказываниями Герцена о ней (ср. «Скуки ради. Альпийские виды»).

⁴ Заслуживает внимания, что в белой текст письма это свое утверждение Герцен не перенес. Ср. также в «Былом и думах» (XIII, 447).